

Лоти Пьер

Разочарованные

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П96

П96 **Пьер Л.**
Разочарованные / Лоти Пьер – М.: Книга по Требованию, 2026. – 390 с.

ISBN 978-5-519-93947-8

ISBN 978-5-519-93947-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

цами изъ Европы и перемѣнили вѣру для карьеры. Сынъ или внукъ отлично помнятъ свое происхожденіе и, разумѣется, только по принужденію заставляютъ своихъ дочерей выполнять обязанности гаремной жизни.

Намъ пришлось однажды присутствовать при разговорѣ одного изъ такихъ мусульманъ недавняго происхожденія съ грекомъ, почитающимъ себя потомкомъ византійцевъ.

Паша-мусульманинъ съ горечью упрекалъ своего собесѣдника за то, что Турція будто бы восприняла отъ Византіи обычай гаремнаго заключенія женщины. «Мои дочери, однако, не подъ замкомъ», возразилъ грекъ. Паша сталъ горячо доказывать, что ученіе Ислама нисколько не требуетъ затворничества женщины.

Конечно, въ домѣ такого пашы только страхъ шпіоновъ заставляетъ соблюдать обычай гаремнаго заточенія женщины.

Знаменитому романисту могъ быть открытъ секретный доступъ въ одинъ изъ такихъ домовъ, и черезъ него онъ могъ ознакомиться съ таинственнымъ міромъ босфорскихъ узницъ, которыхъ вѣчно сопровождаетъ «неизмѣнный негръ Дилаверъ» на козлахъ, и который только лѣтомъ въ мѣстахъ, не заселенныхъ мусульманами, отваживаются приподнять вуалетку, которая должна закрывать лицо отъ взгляда посторонняго мужчины.

Вернемся, однако, къ содержанію романа.

Знаменитый романистъ Андрэ Лери назначенъ на два года во французское посольство въ Константинополь. Двадцать лѣтъ передъ тѣмъ онъ также былъ на Босфорѣ и отъ того времени сохранилъ очарованіе, которое вылилось въ произведеніи его молодости, гдѣ онъ описалъ свой романъ съ одной бѣдной турчанкой.

Дочь знатнаго пашы, воспитанная француженкой, выданная замужъ за офицера, котораго впервые мелькомъ увидала въ окно наканунѣ своей свадьбы, молодая Дженанъ питаетъ уже давно экзальтированное чувство по отношенію къ автору этого романа.

Она писала ему, еще будучи молодой дѣвушкой, но Лери, получивъ письмо, написанное на самомъ чистомъ французскомъ языкѣ, не повѣрилъ турецкому происхожденію ея автора, хотя и отвѣтилъ на него.

Теперь Дженанъ снова пишетъ Лери и назначаетъ ему свиданіе. На это свиданіе она является съ двумя кузинами, вѣрными друзьями, которыя раздѣляютъ ея литературное увлеченіе и, такъ же, какъ и она, страдаютъ и томятся въ своихъ гаремахъ.

Завязавшіяся на почвѣ литературнаго увлеченія отношенія сохраняютъ, по волѣ трехъ женщинъ, нѣсколько искусственный характеръ. Онѣ предупреждаютъ романиста, что останутся для него *душами*, а не живыми женщинами, и потому долго не рѣшаются снятъ передъ нимъ вуаль.

Послѣ перваго свиданія слѣдуетъ другое, рядъ общихъ прогулокъ, письма, и передъ нами развертывается цѣлая картина постепенно развивающейся изъ простого головного увлеченія трагической страсти турчанки Дженанъ къ романисту.

И въ характерѣ и въ развитіи этой страсти удивительно художественно вырисовывается передъ нами весь трагизмъ современной турецкой женщины и рокового разлада между ея воспитаніемъ и жизнью.

Біографія Дженанъ однообразна, какъ и жизнь каждой турецкой женщины. Ей минуло 10 лѣтъ, когда отецъ ея, владѣтельный бей, переѣхалъ изъ своихъ владѣній въ Константинополь, чтобы занять важную придворную должность. Въ теченіе двухъ лѣтъ Дженанъ вела образъ жизни, который представлялъ рѣзкій контрастъ со всей послѣдующей жизнью. Пока дѣвочка не стала женщиной, она не носитъ вуаля. Ее возятъ на всѣ балы и увеселенія европейскаго общества, гдѣ всѣ взрослые обращаютъ вниманіе на ребенка. Но вотъ роковой возрастъ, и лѣтъ 13 на дѣвочку надѣваютъ «чарчафъ». Въ своей младенческой наивности многія дѣвочки ждутъ съ нетерпѣніемъ этого момента: надѣтъ чарчафъ для турчанки все равно, что первое длинное

платье для европейской дѣвочки. Но зато какое горькое разочарованіе, какой крутой переломъ въ образѣ жизни, въ малѣйшихъ мелочахъ приносить съ собою этотъ кусокъ чернаго газа! Послѣ шума, блеска и той свободы, о которой не имѣютъ понятія наши дѣвочки, безъ всякаго перехода наступаетъ тюрьма.

«Она надѣла чарчафъ, иными словами: конечно, она исчезла, какъ по мановенію жезла; ее никогда больше не увидятъ; если случайно ее можно встрѣтить въ какой-нибудь закрытой каретѣ, она будетъ лишь черной фигурой, которую невозможно узнать; она какъ бы умерла уже».

«Итакъ, ей минуло 13 лѣтъ, и она вступила, согласно неумолимому правилу, въ этотъ закрытый покрывалами міръ, который живетъ въ Константинополѣ какъ-будто съ краю, внѣ общей жизни; тотъ міръ, котораго приходится прикасаться мимоходомъ на всѣхъ улицахъ, но на который возбраняется смотрѣть и который съ заходомъ солнца заливается за рѣшетки домовъ; въ тотъ міръ, который повсюду чувствуешь вокругъ себя, волнующій, притягивающій и непроницаемый, который наблюдаетъ, строитъ предположенія, критикуетъ, видитъ много вещей черезъ свою вѣчную маску изъ чернаго газа и угадываетъ затѣмъ то, что ему не удалось увидеть».

«Внезапная плѣнница съ 13 лѣтъ, между отцомъ всегда на службѣ во дворцѣ и бабушкой, строгой, не выказывающей нѣжности, одинокая въ громадномъ домѣ въ Хіассимъ-Паша, посреди квартала старыхъ княжескихъ дворцовъ и кладбищъ, гдѣ съ наступленіемъ ночи все становилось полно страха и безмолвія, она со страстью предавалась ученію. И такъ продолжалось, пока ей не минуло 22 года.—съ тою же жаждою все узнать все изучить: литературу, исторію или умозрительную философію. Среди молодыхъ женщинъ, ея подругъ, также приобрѣвшихъ высшее образованіе въ затворничествѣ, благопріятномъ для занятій, она стала чѣмъ-то въ родѣ маленькой звѣзды; на ея образованіе;

сужденіи, невинныя продѣлки ссылались и вмѣстѣ съ тѣмъ подражали ея дорогимъ, изящнымъ затѣямъ; но прежде всего она была какъ бы знаменосцемъ женскаго возмущенія противъ строгостей гарема».

Такова героиня романа, которая увлекается литературнымъ обликомъ Андрэ Лери. Въ ней зарождается надежда, что ей удастся посвятить его въ глубокую драму жизни турецкой женщины, и что онъ, въ свою очередь, вдохновится этой драмой и передастъ ее со всей силой своего таланта, чтобы обратить вниманіе людей на своего таланта, чтобы обратить вниманіе людей на невѣдомыя имъ страданія. Эта идея не покидаетъ Дженанъ и заставляетъ ее рисковать самой страшной опасностью, поддерживая усиленную переписку съ Лери и назначая ему свиданія.

«Попробуйте,—пишетъ она ему,—заставить ваше сердце настолько отрѣшиться отъ самого себя, чтобы оно почувствовало горечь высшаго страданія, которое составляетъ нашъ удѣлъ: не имѣть возможности любить не что иное, кромѣ мечты.

«Да, всѣ мы осуждены любить только это.

«Насъ выдаютъ замужъ, вы знаете какъ?.. Не спросивъ насъ, словно овецъ или кобылъ... Часто, правда, человекъ, котораго посылаетъ намъ случай, мигомъ и добрѣ, *но не мы его выбирали*. Мы привязываемся къ нему со временемъ, но эта привязанность не есть любовь; тогда въ насъ рождаются чувства, которыя улетаютъ и остаиваются порою на дальнемъ предметѣ, невѣдомомъ никому, кромѣ насъ самихъ. Мы любимъ, но мы любимъ всею нашею душою другую душу; наша мысль привязывается къ другой мысли, наше сердце покоряется другому сердцу. И эта любовь остается въ области мечты, потому что мы честны, и главное потому, что эта мечта слишкомъ дорога намъ для того, чтобы мы рискнули потерять ее, пытаемся осуществить ее. И эта любовь остается невинна, какъ наша вчерашняя прогулка въ Пампа-Багче, когда дулъ такой сильный вѣтеръ.

«Вотъ тайна души мусульманки въ Турціи въ лѣто 1322 агеры. Наше современное воспитаніе привело къ такому раздвоенію нашего существа».

И въ каждомъ письмѣ Дженаанъ и ея кузинъ тотъ же крикъ сердца: «Существованія, въ которыхъ нѣтъ ничего. Чувствуете ли вы весь ужасъ этого? Бѣдныя души, приобрѣвшія крылья, по которыхъ держатъ въ плѣну: сердца, въ которыхъ кипитъ молодая жизнь и которымъ возбраняется всякое дѣйствіе, которыя ничего не могутъ дѣлать, даже добро, и которыя быются и перегораютъ въ неосуществимыхъ мечтахъ».

Но мы не можемъ привести и малой доли тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ красной нитью проходитъ одинъ стонъ человѣческой души, томящейся въ темницѣ и обреченной погибнуть въ изсушающей борьбѣ противъ строя, отъ котораго она ушла впередъ на нѣсколько пѣлковъ.

Разумѣется, «разочарованныя» составляютъ только самый верхній слой женской половины мусульманскаго міра, и Лоти былъ самъ слишкомъ очарованъ обаяніемъ этихъ тонкихъ трагическихъ фигуръ, чтобы обратить на это вниманіе. Впрочемъ, этимъ нисколько не умаляется драматичность положенія хотя бы немногихъ избранныхъ, а также тѣхъ, кто въ безпросвѣтныхъ оковахъ гарема утратилъ способность понимать иную жизнь, чѣмъ та, которая протекаетъ въ этихъ клѣткахъ для человѣческихъ самокъ.

Психологическій интересъ романа Лоти не заслоняетъ собою прелести нѣкоторыхъ описаній, неподражаемо передающихъ разнообразное обаяніе Стамбула и Босфора.

И мы можемъ только посоветовать читателю обратиться самому къ этому удивительному произведенію, которое по оригинальности своего замысла и художественной красотѣ описаній можетъ быть поставлено среди лучшихъ твореній новѣйшей европейской литературы.

Для всѣхъ, кто побывалъ на Востокѣ и самъ испыталъ все очарованіе сказочнаго Стамбула и Босфора, книга Лоти является источникомъ высокаго наслажденія: въ ней словно чудится знойный запахъ моря и кипарисовъ; передъ глазами такъ и встаетъ сказочный Стамбулъ, окутанный голубою дымкою; въ ушахъ слышится дивное молчаніе ночи на Босфорѣ, прерываемое одинокой пѣснью рыбака, умирающими звуками далекаго берега и порою тихимъ всплескомъ весла, проводящаго яркую, свѣтящуюся борозду въ бездонной глубинѣ ночного простора...»

Посвящается

дорогой, незабвенной и печальной памяти

Леилы-Азизе-Айшэ Ханумъ,

*дочери Маюмета Бея J... Z... и Есмы
Ханумъ Д..., родившейся 16 Реби-уль-ашира
1297 въ Т.... (Средней Азіи), умершей
28 Шебаля 1323 (17 Декабря 1905) въ
Сб... Z... (Стамбулъ).*

Пьеръ Лоти.

I.

Было пасмурное весеннее утро на берегу Бискайского залива. Андре Лери, известный романистъ, лѣниво отбиралъ у курьера письма. Послушный своему послѣднему капризу, онъ съ самой зимы безвыѣздно жилъ здѣсь въ маленькомъ домикѣ.

— Какъ много сегодня писемъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

Между тѣмъ, когда почтальонъ подавалъ ему меньше, онъ также не бывалъ доволенъ, больно чувствуя свое одиночество въ жизни. То были, по большей части, письма женщинъ, съ подписью или анонимныя; они всегда воскурляли писателю еиміамъ, умственно преклоняясь передъ нимъ. Почти всѣ начинались словами: «Вы, конечно, удивитесь, м-г, при видѣ совершенно незнакомаго вамъ женскаго почерка»...

Такое начало вызывало, обыкновенно, улыбку на губахъ Андре. Удивленъ? О, нисколько; онъ уже давно пересталъ чему-либо удивляться. Между тѣмъ, каждая корреспондентка воображала, что кромѣ нея нѣтъ на свѣтѣ ни одной такой смѣлой женщины, и обязательно

прибавляла: «Мы родственныя души; могу васъ увѣрить, что никто и никогда не понималъ васъ такъ, какъ я». Тутъ уже Андрэ переставалъ улыбаться: подобныя увѣренія не были для него неожиданностью, наоборотъ, они трогали его.

Въ концѣ-концовъ, сознаніе власти надъ столькими существами, разсѣянными повсюду и навсегда удаленными отъ него, сознаніе своей отвѣтственности за ихъ развитіе, заставляло его задумываться.

Иногда Андрэ попадались письма, поражавшія его своимъ довѣрчивымъ тономъ: то былъ настоящій вопль души къ старшему брату. Онъ, конечно, долженъ услышать его и отнестись сострадательно. Такія письма Андрэ Лери всегда откладывалъ въ сторону отъ пошлыхъ и претенціозныхъ, которыя бросалъ въ корзинку. Онъ берегъ ихъ съ твердымъ намѣрениемъ отвѣтить. Но—увы!—по недостатку времени письма накапливались огромными кучами и въ концѣ-концовъ забывались.

Сегодня курьеръ подалъ ему одно письмо съ турецкою маркой и печатью, на которой ясно можно было прочесть имя, всегда приводившее Андрэ въ смущеніе: «Стамбуль».

Стамбуль! что-то таинственное, волшебное звучало ему въ этомъ словѣ...

Онъ не успѣлъ еще вскрыть конверта и не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, кто былъ авторомъ письма, но сразу почув